

УДК 93/94
DOI 10.52452/19931778_2025_1_53

ПРОБЛЕМЫ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ 1935 г.

© 2025 г.

Н.В. Тихомиров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

tihomirov_n@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Проанализированы отчетные материалы производственной практики учащихся Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова за 1935 г., содержащие сведения об их работе на сельскохозяйственных предприятиях Московской области. Показано общее состояние данных организаций, освещены проблемы их экономического развития, социальные противоречия в деревне. Сделаны выводы о роли студентов указанного вуза в осуществлении модернизации аграрного сектора СССР, отмечен их конкретный вклад в разрешение насущных вопросов колхозного строительства.

Ключевые слова: коллективизация, Коммунистический университет, крестьяноведение, крестьянство, Московская область, производственная практика, региональная история, студенчество.

Введение

Коллективизация сельского хозяйства в СССР как объект изучения занимает видное место в отечественной и мировой историографии. Среди исследователей сохраняется устойчивый интерес к данной проблематике, являющейся довольно хорошо разработанной [1, с. 47]. В российской академической среде оформился ряд стратегий в изучении аграрной истории сталинского периода [2, с. 14]. В 1990 – 2000-е гг. в научный оборот был введен обширный массив архивных документов, освещающих реализацию советского проекта социалистической модернизации деревни [3, 4]. В настоящее время продолжается наращивание источниковой базы исследований в области колхозного строительства, приводятся в известность материалы, ранее не востребованные в научной практике [5]. Вырабатываются новые методологические подходы и концепции в изучении советской деревни в эпоху сталинизма [6, с. 23]. Наиболее основательно освещен в литературе начальный этап колхозного строительства, в частности вопросы раскулачивания и в целом репрессивной политики в отношении крестьянства [7; 8; 9, с. 66]. Несколько хуже исследовано протекание последующих процессов [10, с. 283]. Одной из наметившихся тенденций в исследованиях советской деревни является преодоление «дисбаланса исследовательского внимания к социокультурным сюжетам российского крестьянства» [11, с. 13], в частности крестьянства колхозного. Так, в

историографии Новейшего времени заметное внимание уделяется общественным настроениям [12] и политическому сознанию сельских обывателей [11], их стратегиям поведения в условиях конфликта с государственной властью [13].

Одна из мало разработанных тем в области большевистской модернизации деревни связана с участием в реализации аграрной политики советского государства учащихся коммунистических вузов. Предметом настоящего исследования является колхозное строительство в Московской области, в частности общее состояние производственной базы сельскохозяйственных предприятий на завершающем этапе сплошной коллективизации. В качестве источника использованы отчетные документы студентов Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова (далее – ВКСХУ) о производственной практике, которую они проходили в колхозах, совхозах и МТС. Данные материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и до настоящего времени не были задействованы в исследовательской работе. В составе фонда Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова при Центральном исполнительном комитете СССР отложились отчеты учащихся 2-го и 3-го курсов за 1934–1936 гг., в общей сложности свыше 200 документов. Для каждого года место и задачи работы различались (в 1934 г. это был Азово-Черноморский край, 1935 г. – Москов-

ская и Калининская области, 1936 г. – Воронежская, Курская и Ярославская области и т.д.). Анализ всего массива указанной документации требует специального исследования на основе широкого применения историко-сравнительного метода. Для решения задач данной небольшой работы видится необходимым дополнительно сузить ее временные и географические рамки. Сделать это подсказывают следующие обстоятельства. Во-первых, ежегодно менялись условия и ведущие установки в работе практикантов (в 1934 г. они были приданы МТС на юге страны в качестве помощников бригадиров; в 1936 г. продвигали стахановское движение в черноземных областях и т.д.). Во-вторых, условия работы в регионах порой существенно различались (к примеру, колхозы в северных областях, в отличие от Черноземья, пытались профилировать на выращивание технических культур). В свете сказанного представляется методически оправданным в рамках настоящего исследования сосредоточить внимание на мероприятиях одного года в отдельно взятом регионе. Это, с одной стороны, позволит с достаточной полнотой осветить конкретную работу студентов на предприятиях выбранной области; с другой стороны, даст необходимое представление об информационных возможностях сравнительно крупного документального комплекса. Объектом нашего рассмотрения станут свидетельства студентов 3-го курса ВКСХУ о практике 1935 г., которую они проходили в колхозах, совхозах и МТС Московской области. Материалом для анализа послужили групповые отчеты и стенограммы студенческих групповых собраний, на которых обсуждались итоги проделанной работы. Отметим, что такое (стенографическое) закрепление данных использовалось вузом единожды, что сообщает указанным документам дополнительную специфику внутри всего комплекса обсуждаемых материалов.

В 1935 г. ВКСХУ командировал на работу в деревню с 17 марта по 1 мая 105 студентов 3-го курса трехгодичного отделения [14, л. 1]. Местом практики были выбраны сельскохозяйственные районы Московской области, в том числе недавно образованные. Учащиеся отправлялись в распоряжение районных парторганизаций, которым следовало распределить их по предприятиям. Университет рекомендовал назначить практикантов инструкторами райкомов, парторганами колхозов, помощниками по политчасти директоров МТС и помощниками начальников политотделов совхозов [14, л. 3–6]. Все учащиеся были разделены на 4 кружка. По завершении практики ими были подготовлены индивидуальные отчеты, на основе которых парторги

кружков составили обобщающие доклады, представленные в университет, а затем заслушанные и обсужденные на групповых собраниях.

Основная задача практики студентов комвуза состояла в обеспечении массовой политической работой на сельхозпредприятиях и среди единоличников. Ее содержание обуславливалось текущей политической повесткой, в которую входило: внедрение положений нового устава сельскохозяйственной артели, разъяснение решений VII съезда Советов¹ и решений II съезда колхозников-ударников² [14, л. 39], налаживание работы в первичных партийных и комсомольских организациях. Кроме того, поскольку коммунистам вменялось быть организаторами и руководителями всего процесса перестройки деревни, студенты закономерно вовлекались в хозяйственную жизнь обслуживаемых организаций, в частности в мероприятия по подготовке и осуществлению весеннего сева.

Райкомы зачастую распределяли практикантов по наиболее слабым организациям. В отчете студентов 1-го кружка указывалось, что для работы им были выделены «наиболее отстающие колхозы и сельсоветы» [14, л. 33]. Учащиеся 2-го кружка также трудились в «наиболее отсталых» районах из числа недавно созданных [14, л. 62]. То же следует из отчетов 3-го и 4-го кружков. Районные организации стремились не столько обеспечить свердловцам условия прохождения практики, сколько решить с их помощью проблемы хозяйственного развития на собственных территориях. «Сможем ли мы взять что-то от практики, не интересовало. Главное, чтобы мы помогли», – замечала студентка [14, л. 94]. В итоге практиканты нередко трудились в обстановке обострения социально-экономических противоречий при повышенном напряжении сил.

Общее состояние сельскохозяйственных организаций

Основная проблема, с которой сталкивались москвичи по прибытии к месту работы, была неготовность колхозов и совхозов к весеннему севу, дурное состояние материальных фондов и общий развал работы. Студентка, посланная парторгом в одну из артелей Дубненского района, отметила, что к посевной кампании там ничего не было организовано и поэтому ей самой пришлось «начинать все с начала» [14, л. 41 об.]. Другой учащийся сообщал, что совхоз, который он обслуживал, совершенно не готовился к севу: не были возведены необходимые постройки, отсутствовал план работ, заведующие участками не знали, что им делать [14, л. 84].

Указанные обстоятельства вынуждали свердловцев менять изначально стоявшие перед ними задачи – вместо того, чтобы сосредоточиться на партийной работе, они становились фактическими руководителями всей хозяйственной жизни предприятий. Практикант Холубков указывал, что в совхозе долгое время занимался исключительно подготовкой к севу, отложив партработу [14, л. 84 об.]. Студент Подольский сообщал, что на него легло решение важнейших производственных вопросов в колхозе, поскольку председатель большую часть времени вынужден был «клянчить» отсутствующие у артели зерно и фураж по окружающим предприятиям и сельсоветам [14, л. 48 об.]. Учащийся Догадько, выяснив удручающее состояние своего колхоза и не найдя поддержки у работников райкома, объявил, что как парторг будет сам отвечать за всю работу [14, л. 88 об.]. «За это время пришлось не только учиться, как руководить, но и самому пришлось быть директором МТС», – докладывал практикант Максимов [14, л. 98 об.].

Таким образом, некоторые студенты значительную часть времени посвящали не идейному наставлению обывателей, а налаживанию нормальной работы колхозов и совхозов, выведению их из хозяйственного прорыва. Проблем на местах выявилось много. В дурном состоянии пребывали производственные фонды. «Кони все были побиты, сбруя была обезличена»³ [14, л. 84], – отмечал практикант Холубков, трудившийся в одном из совхозов. Ему вторил практикант Мишин из Троицкого сельсовета Муравлянского района: «122 лошади были в самом скверном состоянии. 30 лошадей были с побитыми холками и плечами, не было грубых и концентрированных кормов» [14, л. 52]. Студент Леваков указывал на удручающее состояние машинного парка в Шацком зерносовхозе: начали было строить сарай для машин, но не достроили, и техника осталась под открытым небом, представляя собой «что-то вроде паровозного кладбища годов военного коммунизма» [14, л. 44 об.]. Скверным был и ремонт инвентаря. Учащийся Рудниченко описывал плачевное положение вновь созданной МТС: «помещения еще нет, трактора ремонтировались зимой при 30 градусах мороза. Потому ремонт плохой. Постройку помещения также вели зимой, потому она плохая, ее чуть бурей не завалило. Кадров нет, проводимые курсы еще не закончились. Трактора к весенней посевной не были готовы. Запчастей не было <...> Директор не был знаком с производственным процессом и не мог руководить <...> служащие не получали зарплату полгода <...> Трактористы начали плохо работать, раз-

бегаться» [14, л. 53]. Соседняя МТС, оказавшая помощь в ремонте тракторов, исполнила его недоброкачественно: «Зазор между поршнем и цилиндром составлял 5 мм, а это вредительское дело. При опробывании у тракторов стали ломаться кронштейны, а это уже прямо аварийное состояние». В результате при выезде в поле некоторые отряды тракторов стали [14, л. 53].

Столь серьезные неустроенности в МТС неизбежно отражались на состоянии колхозов, которые ими обслуживались. И если свердловцы умели понять суть проблемы и проявить настойчивость в ее устранении, то в иных случаях, несомненно имевших место, работа глохла в отсутствие организующего начала и квалифицированных специалистов. Важно отметить, что кадры для стремительно ширящейся сети МТС готовились в мобилизационном режиме, говоря попросту – в спешке, что давало в итоге сомнительные результаты. То же касалось других категорий работников. Например, учащийся Догадько отмечал, что он и его товарищи разбирались в некоторых вопросах лучше колхозных агрономов [14, л. 89 об.].

Во многих случаях проблемы предприятий коренились в отсутствии правильной организации труда, распределения сил, постановки учета и контроля, технической неграмотности работников. Исправлению этих пороков практиканты посвящали себя в первую очередь. Студент Подольский докладывал, что по приезде в колхоз обнаружил, что колхозникам 4 месяца не записывали трудодни, не были утверждены нормы выработки, местный счетовод не умел составить план полевых работ. Эти обстоятельства закономерно вели к развалу хозяйства: колхоз не имел ни семян для посева, ни сена для коней, а большинство колхозников «в полном смысле слова голодали» [14, л. 48 об.]. Другой студент отмечал, что, пребывая в одном из «тяжелых» колхозов, должен был организовывать крестьянский труд, внедрять новые формы работы, создавать бригады и звенья, расставлять силы, принимать срочные меры в отношении фуража, ухода за конями [14, л. 82].

Во многих местах происходило бесконтрольное расходование средств и хищение колхозной собственности. Практикантка Смирнова, проведя ревизию своего колхоза, выявила нарушения финансовой отчетности: «5–6 человек заработали в течение лета 600 рублей по перевозке дома и 300 рублей за продажу сена – пропили, никакого ни прихода, ни расхода. Такие факты имели место не один раз» [14, л. 88]. Студент Лысоченко заявил о «растаскиловке колхоза»: кладовщик воровал из амбара яровую пшеницу и продавал колхозникам, которые не

возмущались происходящему, указывая, что на весь год получили лишь 900 гр. хлеба вместе с авансом [14, л. 96 об.]. Кражи происходили в разных районах, при этом в некоторых из них руководство то ли по нерадивости, то ли сочувствуя крестьянским настроениям не пресекало противоправного поведения [14, л. 37 об.].

Отдельную проблему составляло незнание на местах агротехнических правил или сознательное пренебрежение ими. По сообщению практиканта 4-го кружка, в одном из районов секретарь РК⁴ и председатель РИК⁵ в погоне за темпами сева в ущерб урожаю разрешали «сеять рукой, игнорируя элементарные агротехнические правила» [14, л. 37 об.]. Другому студенту пришлось бороться с убежденностью крестьян в невозможности сева в холодную погоду. Для этого он использовал привезенный с собой учебник по агрономии: «я заглядывал в учебник и там находил указания, которые укрепляли меня в моих разъяснениях» [14, л. 97 об.]. В колхозе «Красный Октябрь» практикант обучал работников, осуществлявших контроль качества пахоты, отличать хорошую работу от плохой. Также ему пришлось доказывать крестьянам, что семена оставались при посеве снаружи не по причине использования сеялок, а вследствие дурной обработки почвы. В работе с единоличниками он вынужден был «и уговаривать, и агитировать» их провести засыпку семян⁶ (ранее разъяснений не проводилось, а лишь выписывались штрафы) [14, л. 58].

Одной из причин упадка колхозного хозяйства была неспособность местного начальства умело решать возникающие проблемы. Практиканты 3-го кружка отмечали как основную черту руководства в сельсоветах топорное администрирование – «приказать, оштрафовать, арестовать, посадить» [14, л. 74]. Такой подход в работе отмечали даже у «способных товарищей» [14, л. 70]. В одном из отчетов приведены слова председателя сельсовета, члена партии с 1917 г., считавшего пройденным этапом разъяснительную работу с единоличниками: «18 лет агитировали, теперь только штрафом, налогом, или мы, советская власть, коней возьмем, дом возьмем, все возьмем до порток, пока в колхоз не пойдет» [14, л. 70]. Такая управленческая практика, очевидно, могла вести лишь к разорению части крестьянства, росту напряженности, но никак не к оздоровлению коллективных хозяйств.

Работа студентов и трудности в ее осуществлении

Свердловцы, овладевшие специальными знаниями и приноровленные к массовой работе,

вносили рациональные начала в деятельность агропредприятий. При решении неотложной задачи подготовки к севу и в борьбе за высокую урожайность они делали упор на правильную организацию труда и средств производства, продуманную расстановку сил, развертывание социалистического соревнования и ударничества, внедрение передовых приемов работы (рядового сева, посева чистосортными семенами) [14, л. 33]. Притом практиканты постоянно находились в производственных бригадах, следя за качеством работ и наставляя трудящихся. Студент Ермаков, пребывавший на партийно-массовой работе в совхозе, писал: «Ежедневно находясь в бригаде, я вел разговоры с рабочими, сидя с ними на тракторе, находясь около сеялки и т.д. Обеденный перерыв использовал для того, чтобы показать, кто хорошо работает, а кто плохо» [14, л. 93].

Преимуществом практикантов перед местным руководством было стремление и умение разъяснять крестьянам смысл требуемых от них действий и показать возможности положительных изменений в их жизни при добросовестном отношении к труду на сельскохозяйственных предприятиях. Это обстоятельство, безусловно, имело важное значение как залог успешного осуществления социалистической перестройки деревни, и неспособность райкомов и сельсоветов решать соответствующие задачи являлась одной из причин громадных издержек при проведении советской коллективизации. В частности, практиканты отмечали, что до них почти не велась разъяснительная работа с единоличниками – последних побуждали ко вступлению в колхозы сугубо принудительными мерами воздействия, что вело к деградации единоличных хозяйств и усилению социальной розни.

Студенты разворачивали массовую работу среди колхозников и единоличников, разъясняя принципы социалистических методов труда, составляли производственные планы для артелей и бригад, налаживали бригадную и звеньевую работу, добивались надлежащего ремонта инвентаря и машин [14, л. 67 об.]. Свердловцы прививали крестьянам представления о дисциплине труда, для чего вырабатывали правила внутреннего распорядка, устанавливали нормы выработки, расценки для трудодней, доводили сведения об этом до колхозников [14, л. 68]. На общих собраниях и в бригадах разбирали новый устав сельскохозяйственной артели, на его основе вырабатывали новые уставы для отдельных колхозов с учетом особенностей, имевшихся в данной местности [14, л. 39 об.].

Как остро стоящую проблему студенты отмечали скверные бытовые условия на местах.

«Нигде не было ни одной уборной. Даже школа не имела уборной. Мы сделали около 6 уборных», – сообщил практикант, работавший парторгом в нескольких колхозах [14, л. 56 об.]. Его коллега делился впечатлениями о совхозе: «Отсталость такая сильная, что рабочие находятся в таком положении, которое редко можно видеть и трудно себе представить в 35 году» [14, л. 90 об.]. Построенный «буквально на пустыре», совхоз не имел жилых помещений, рабочих кормили похлебкой, заработную плату задерживали по 3–4 месяца и дольше, как и оплату за выходные и отпуска [14, л. 90 об.]. Другой практикант отзывался о бытовых условиях своего совхоза схожим образом. Работники находились там «в отвратительнейших условиях», и руководство не уделяло этому внимания: на обед готовили пустые щи и кашу, питание стоило дорого, всю зиму не работала баня. Стараниями практиканта «после разговоров и обсуждений на партсобрании» питание было улучшено и удешевлено с 84 до 54 рублей, отремонтирована и пущена баня [14, л. 85 об.]. Это показывает, что при наличии средств и возможностей предприятия попросту не умели ими надлежаще распорядиться в отсутствие развитой управленческой культуры.

В своей работе практиканты встречали множество препятствий. В частности, им приходилось преодолевать сопротивление крестьян внедрению новых порядков. Так, студентка Ветошная сообщала, что все мероприятия, выносившиеся на обсуждение членов колхоза, встречались ими «в штыки». Это касалось установления норм выработки, оценки трудодней, подготовки тягла и т.д. Практикантка отмечала «исключительное недоверие» людей посылам о дальнейшей лучшей жизни, о возможности получения высокого урожая, хорошей обработки почвы и пр. Особую напряженность создала проработка и принятие нового устава сельскохозяйственной артели [14, л. 41 об.–42]. Надо полагать, что студенты комвуза как профессиональные агитаторы и пропагандисты сыграли в решении данных задач решающую роль.

Подспорьем в их работе должен был стать партийно-комсомольский актив на местах, который советское руководство рассматривало как организационный костяк в деле модернизации деревни. Однако зачастую эти люди оказывались непригодны для руководства массами: не были развиты культурно и политически, не пользовались авторитетом у населения [14, л. 104]. Опереться на них свердловцы зачастую не могли. «Коммунисты, действительно, неграмотные, – свидетельствовала Ветошная. – И за политикой партии не только по учебнику, но даже по газетам

не следят и трудно ориентируются» [14, л. 42]. Другой студент приводил пример невежества коммунистов одного из колхозов: «Когда задаешь вопрос на собрании, что такое Коминтерн, они отвечают, что это организация, которая объединяет совхозы и колхозы» [14, л. 60 об.]. «Каждый день пьян, мат с уст не сходит, – описывала студентка Смирнова парторга своего колхоза (он же председатель артели). – Рассказывает антисоветские и антипартийные анекдоты без всякого зазрения партийной совести» [14, л. 87].

Районные парторганизации, как правило, не занимались развитием низовых ячеек, и практиканты были вынуждены брать образование и просвещение товарищей на себя. «Партпросвещение и массовая политическая работа с партийцами, работающими в колхозах и сельсоветах, почти не проводилась, а если и проводилась, то исключительно под давлением приезжих товарищей», – подчеркивалось в отчетном докладе 2-го кружка [14, л. 41]. Там же, где партучеба была налажена, она имела крайне низкое качество. «Партийными школами и кружками руководят люди с низким политическим уровнем <...> метод преподавания в кружках путем читки учебника, а читкой занимается один товарищ постоянно. Слушатели к занятиям совершенно не готовятся, а потому усвояемость слабая. Одиночки коммунисты партучебой не охвачены, работа с ними не велась» [14, л. 69 об.], – отмечалось в сводном докладе практикантов 3-го кружка.

Свердловцы старались повысить идейно-политический уровень деревенских коммунистов и комсомольцев, организуя занятия партшкол, кружков по изучению истории партии, проводя читки газет, собрания и беседы. В отдельных случаях проблемы местного актива приходилось решать радикально. Так, студентка, работавшая в колхозе Муравлянского района, после собрания тамошней ячейки ВКП(б) по вопросу расхищения собственности предприятия поставила в райкоме вопрос о роспуске низовой парторганизации, «целиком себя дискредитировавшей, опозорившейся, подрывающей авторитет партии» [14, л. 37]. В подобных обстоятельствах москвичи занимались выявлением способных людей и выдвижением их на общественную работу. Так, в одном из колхозов заменили заведующего избой-читальней (впрочем, выдвигенец, как и другие культработники, был безграмотным, что говорит об острой нехватке людей, пригодных для такого рода начинаний) [14, л. 61].

За краткостью периода практики результаты проводимых мероприятий были ожидаемо

скромными. Молодые люди подчеркивали насущную необходимость продолжать систематическую работу в этом направлении. «Я не могу сказать, что за 1 ½ месяца я сделал из них <...> марксистов, но я почувствовал, что если с этими товарищами основательно работать, то они будут сочувствующими и будут расти дальше», – указывал один из учащихся [14, л. 45 об.–46]. «Неплохо было бы, если бы мы оставили след в подготовке кадров» [14, л. 39], – рассуждал парторг 2-го кружка. Но, указывая на безразличие районных организаций к воспитанию коммунистов, констатировал, что работа, проведенная практикантами, «будет плохо закреплена после их отъезда» [14, л. 41].

Повсеместно внимание свердловцев было направлено на выявление классового врага – «пробравшихся в колхозы чуждых кулацких элементов и других явно преступных элементов» [14, л. 34]. Подобные категории служили для авторов отчетов привычным клише, обозначившим как действительных нарушителей дисциплины и законности, так и просто некомпетентных или классово чуждых работников. Например, одним учащимся «было вскрыто», что зоотехник совхоза являлся «оппортунистом, кондратьевцем, вредителем», ранее исключенным из партии [14, л. 43]. Им же отмечалась «засоренность» совхоза «кулаками, сыновьями попов и др.» [14, л. 44–44 об.].

Выражение недовольства колхозной политикой также расценивалось как проявление целенаправленного вредительства. «Классовый враг работал не меньше нас», – докладывал практикант из колхоза «Красный меч» Октябрьского района, приводя высказывания, характеризующие умонастроения крестьян-единоличников: «Что вам в колхоз идти, все равно там придется умирать <...> колхозники будут вместе с коммунистами вешать, когда другая власть будет» [14, л. 83]. В одном из районов проявление вражеской вылазки усмотрели в том, что группа единоличников «организовала на себе пахоту – 5–6 человек тащили на себе плуг» [14, л. 72].

Впрочем, нередко студенты вели борьбу с действительно преступными действиями, способствуя устранению произвола отдельных работников и руководителей. Так, упомянутый практикант из Октябрьского района столкнулся с фактами огульных репрессий в отношении единоличников (обложение громадными штрафами, конфискация имущества). «В пьяном виде председатель сельсовета (он член партии) и секретарь забирали лошадей ночью и т.д.», – сообщал он и подчеркивал: «Линия сельсовета была неправильна, и я эту линию разоблачил» [14, л. 83]. В данном случае стараниями практи-

канта вопрос о злоупотреблениях был поднят в районной печати, а указанные функционеры сняты с работы и отданы под суд. Те же явления наблюдались по другим районам, где студенты отмечали отказ председателей сельсоветов от разъяснительной работы с единоличниками в пользу грубого давления и ограбления неслыханных идти в колхозы [14, л. 70].

С работы изгонялись не только нарушители «декретов партии и правительства», но также работники непролетарского происхождения: студентами 3-го кружка в нескольких колхозах были сняты бригадиры «из бывших стражников и кулаков» (о наличии нареканий к их деятельности в отчетном докладе не сообщалось) [14, л. 68 об.].

Таким образом, учащиеся ВКСХУ оказывали порой решающее воздействие на кадровую политику ряда предприятий, влияя на подбор и замену людей на руководящих должностях. Можно предположить благотворное воздействие таких изменений на социально-экономическое развитие колхозов и совхозов, хотя сведения о качестве работы вновь назначенных лиц отсутствуют. Кроме того, важность проводимых перестановок состояла в том, что студенты укрепляли взаимодействие хозяйственных организаций с районным руководством, налаживая механизмы обратной связи между ними, способствуя улучшению формирующейся бюрократической системы на местах.

Результаты работы практикантов

В целом практиканты оказали существенное подспорье сельскохозяйственным организациям в их работе. В отчетах подчеркивалось, что основные подготовительные мероприятия перед севом (проверка семян, ремонт инвентаря и машин, организация труда, составление и обсуждение планов и т.д.) были проведены «при организующем участии и помощи» студентов [14, л. 33]. Если поначалу многие предприятия были отсталыми, то в результате приложенных свердловцами усилий МТС и колхозы организованно провели весеннюю посевную кампанию. «Товарищи сумели мобилизовать массы на то, чтобы своевременно выйти в поле и начать работу», – подчеркивалось в докладе 2-го кружка [14, л. 40]. Артели, прежде не справлявшиеся с выполнением плана, серьезно продвинулись в работе. Студентка Литовкина сообщила, что ее колхоз впервые за несколько лет окончил сев к исходу апреля, почти выдержав в сроки, установленные сельсоветом [14, л. 95].

Определенный успех имела пропаганда ударничества и стахановского подхода. Так, на одной из МТС в отдельных бригадах вошло в

обычай перевыполнять норму [14, л. 40 об.]. На другой станции трактористы выходили в поле даже ночью, и некоторые обрабатывали за смену 7 га пашни, вместо установленных 2,3 га [14, л. 53 об.]. Студент Власов, бывший парторгом колхоза, сообщал, что итогом проведенных им мероприятий стала хорошая обработка почвы, дружный выход на работу, добротная пахота и бороньба. «Не было случая, чтобы колхозники не выполнили норму выработки, определенную по соцсоревнованию. Иногда перевыполняли на 15–20%» [14, л. 56–56 об.]. Студент Монаенко отмечал, что обнаруженное им вначале нежелание колхозников идти на пахоту было следствием «обезлички» работы пахарей, которые «получали столько же, сколько женщины, режущие резку». После внедрения в работу плановых начал, прогрессивной сдельщины и постановки учета «люди стали перевыполнять и охотно шли на пахоту. Даже старухи по 60 лет стали изъявлять желание пахать, потому что они были заинтересованы» [14, л. 97 об.].

Впрочем, в отдельных случаях, невзирая на частные успехи, добиться полного порядка и строгого соблюдения плана не удавалось. «За такой короткий срок родить кадры, которые решают все, никак не возможно», – сетовал практикант Чикнелидзе [14, л. 91 об.].

Полученные студентами почти повсеместно отличные результаты, с одной стороны, свидетельствуют об их хорошей подготовке и ответственном отношении к делу, а с другой стороны, показывают удручающе низкий уровень руководства и технической грамотности на местах. Последнее подсвечивает одну из причин хронического кризиса многих МТС и артелей, заключавшуюся в отсутствии достаточной предварительной подготовки при перестройке традиционной российской деревни на новых основаниях.

Отношения практикантов с районными организациями складывались по-разному. Некоторые отмечали в этой связи товарищескую поддержку и внимательное отношение, другие – безразличие и даже, в редких случаях, враждебность. «Кроме криков по телефону и ругани, никаких практических советов нам не давали, и мы ничего не слышали иного со стороны секретаря РК. Никакого учета конкретной обстановки и никакой помощи не было» [14, л. 60], – сообщил студент Мышляев, трудившийся парторгом в Мордовском районе. Такое поведение районного начальника показывает не только его отношение к заезжим практикантам, но и сложившуюся в данном районе модель руководства с присущей ей отчужденностью должностных лиц на разных уровнях. Этим отчасти объясняется запущенное состояние, в ко-

тором свердловцы обнаружили многие сельскохозяйственные организации Московской области.

В целом же студенты сумели выстроить рабочие, продуктивные отношения как с начальственными кадрами, так и с рядовыми работниками. «Колхозники нас взвешивали со всех сторон и после этого относились к нам доверчиво» [14, л. 100], – отмечал один из докладчиков. Труд практикантов был высоко оценен на местах – они получили в основном хорошие отзывы. В докладе 2-го кружка отмечалось, что характеристики райкомов, совхозов, колхозов, директоров МТС и сельсоветов свидетельствовали о том, что посланные товарищи с возложенными на них задачами справились [14, л. 40 об.]. То же подчеркивалось в отчетах других кружков [14, л. 79]. Некоторые свердловцы удостоились особой благодарности. Так, студент Тимофеев за хорошую работу получил от колхоза 100 рублей премии [14, л. 36 об.].

В единичных случаях учащиеся проявили «неустойчивость», как студент Котелков, «участвовавший в выпивке» на колхозном обеде и на квартире председателя колхоза, за что был отозван из района раньше срока [14, л. 70 об.–71]. Однако подобные случаи были исключительными, нехарактерными в целом для поведения учащихся ВКСХУ.

Прошедшую практику студенты оценивали по-разному. Часть из них отзывалась о ней с воодушевлением. Так, студент Васильев заключал, что полученный опыт стал для него ориентиром для работы после окончания вуза: «Практика оказала мне существенную помощь. Сам я на ней зарядился» [14, л. 82]. Были высказаны и критические замечания. Докладчики отметили несоответствие учебного плана университета задачам их работы в хозяйствах: например, перед выездом на весенний сев им читали лекции об озимом севе, что указывало на несогласованность учебных планов университета с задачами практики [14, л. 62 об.]. Учащийся из 4-го кружка досадовал, что «специальные дисциплины много лишнего дают и не дают много того, что нужно. Например, сегодняшняя лекция, обо всем говорили, о листках, а на агротехнику 3–5 минут. Возьмите по организации производства. Ведь много там ненужного, а нужно больше жизни давать, как организовать колхоз, как проводить всю эту работу, как организовать там труд. 50% можно было бы сократить и дать больше жизненной информации» [14, л. 83 об.]. Недовольство студента показательное: молодые коммунисты в массе были настроены на решение прикладных задач и слабо понимали ценность фундаментальной теории в университетских курсах. Работа в деревне столкнула их с

коренным вопросом аграрной политики большевиков, ответа на который многие так и не сумели найти: как в ускоренном режиме создать эффективно работающее, рентабельное предприятие. Опыт студенческой практики, отраженный в отчетных материалах, показывает, что на шестой год после провозглашения в СССР сплошной коллективизации участники процесса продолжали встречаться с обилием нерешенных проблем в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства. Характерно в этой связи признание другого практиканта, отметившего, что практика «раскрыла нам глаза на то, что делается в колхозе в целом», как не нужно руководить, какие на местах работники и каковы результаты их работы [14, л. 98].

Заключение

Оценивая критически сообщения практикантов о наблюдавшихся ими фактах деревенской жизни, следует помнить, что те отнюдь не были беспристрастны. В их взаимодействии с крестьянством воплотился во множестве своих проявлений конфликт социалистической нови с глубоко традиционной средой российского села. Молодые коммунисты, воспитанные в духе догматического марксизма и воспринявшие рационалистические воззрения на окружающую действительность, часто не понимали деревенских обывателей, их ценностных установок и отношения к миру. Отсюда, к примеру, их склонность усматривать во всяких нестроениях проявления классовых противоречий. В то же время авторами отчетов были отмечены и вполне реальные проблемы колхозного строительства, вызванные отсутствием правильного руководства, невежеством, разочарованностью в артелях. По нашему мнению, приведенные свидетельства могут рассматриваться как представительные, поскольку были во множестве получены для разных частей крупного региона (учитывая, что на 1935 г. в состав Московской области входили территории позднее выделенных Калужской, Рязанской и Тульской областей).

Анализ материалов производственной практики ВКСХУ позволяет сделать некоторые заключения, во-первых, о состоянии советских сельскохозяйственных предприятий на завершающем этапе сплошной коллективизации; во-вторых о роли студентов-коммунистов в деле осуществления социалистической перестройки деревни. Эта роль, несомненно, была велика: учащиеся не только знакомились непосредственно с жизнью сельскохозяйственных предприятий, но и деятельно участвовали в налаживании их работы. Вне зависимости от назначе-

ния, полученного в районе, практиканты становились подчас фактическими руководителями по ряду направлений в колхозах, совхозах и МТС, занимаясь их общим оздоровлением: исправляли недочеты в быту и в производственных отношениях, разворачивали культурно-массовую работу, способствовали обновлению кадров и выдвижению способных работников.

Отчетная документация о деятельности свердловцев является ценным источником по истории колхозного строительства в СССР и участию в нем коммунистических вузов. Она демонстрирует своего рода болезни роста советского аграрного сектора, вызванные форсированными темпами перестройки сельского хозяйства. Сообщения студентов отразили состояние колхозов, совхозов и МТС подмосковного региона, качество партийных и руководящих кадров на местах, умонастроения колхозного крестьянства и единоличников. В рассмотренных материалах показаны не только пороки новой системы сельскохозяйственного производства, но и положительный опыт их изживания.

Наличные источники не позволяют судить, насколько устойчивыми в будущем оказались привнесенные практикантами формы организации труда и пр. Насаждение нового уклада в деревне происходило в мобилизационном режиме, что характеризует в целом подход большевистского руководства СССР к осуществлению ускоренной модернизации страны. Определяющим вкладом практикантов в работу сельхозпредприятий была именно мобилизация местных сил, зачастую заменявшая и компенсирующая незнание крестьянами формальных правил и принципов рационального хозяйствования. Вместе с тем подобным образом удавалось решить насущные задачи сева, выполнения государственных поставок и заготовки средств на будущий сельскохозяйственный сезон.

Это позволяет говорить о подчас решающей роли свердловцев в реализации экономической политики советского руководства на местах. В условиях, когда система государственного управления сельским хозяйством пребывала в процессе становления, частично ее функции, в частности контрольные и распорядительные, принимали на себя городские эмиссары ВКП(б), поддерживавшие и направлявшие работу агропредприятий. Как было отмечено выше, оценить вклад отдельного практиканта в жизнь конкретной артели либо совхоза затруднительно. Однако влияние молодых партработников на общий ход модернизации деревни не вызывает сомнений. Знакомство рядовых колхозников с новыми приемами работы, подходами к постановке и учету труда определенно оказало

воздействие на их представления о возможностях дальнейшего ведения хозяйства. Незнание многими крестьянами в обследованных колхозах простейших правил агротехники с очевидностью свидетельствует о том, что данные артели создавались в исключительно приказном порядке без надлежащих разъяснений (что было общим явлением в ходе сплошной коллективизации). Таким образом, студенты ВКСХУ не просто восстанавливали дисциплину на предприятиях и контролировали выполнение их обязательств по заготовкам и сдаче государству сельскохозяйственной продукции, но внедряли в сознание крестьянской массы то, с чем она полноценно не соприкасалась прежде – рациональные способы организации хозяйственной деятельности.

Безусловно, короткий срок внеуниверситетской практики не был достаточным для воспитания квалифицированных кадров среди деревенских работников, но своими энергичными действиями свердловцы закладывали основы той самой социалистической перестройки села, которая ранее не могла состояться средствами сугубого администрирования. Потому мы полагаем возможным утверждать, что рассмотренная в настоящем исследовании деятельность учащихся ВКСХУ была не рядовым эпизодом в процессе колхозного строительства на территории Московской области в исходе второй пятилетки, но его важной ступенью, помимо которой невозможно сегодня представить большевистской модернизации деревни.

Примечания

1. На съезде, проходившем с 28 января по 6 февраля 1935 г., было провозглашено безраздельное господство социалистического уклада в народном хозяйстве, принято развернутое постановление о мероприятиях по укреплению и развитию животноводства, подтвержден разгром кулачества и победа колхозного строя с утверждением социалистической собственности как основы советского общества, одобрено внесение поправок в Конституцию СССР в целях приспособления системы государственного управления к текущим задачам социалистического строительства.

2. Съезд, состоявшийся 11–12 февраля 1935 г., принял устав сельскохозяйственной артели.

3. Под обезличенностью понималось отсутствие лица, ответственного за состояние имущества, в данном случае коней и сбури.

4. Районный комитет.

5. Районный исполнительный комитет.

6. Процесс, обеспечивающий сохранение семян до начала посева.

Список литературы

1. Кузнецов И.А. К 90-летию коллективизации. Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР // Крестьяноведение. 2020. № 3 (5). С. 47–69. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-47-69.

2. Кедров Н.Г. Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения // Вестник Вологодского государственного университета. 2017. № 1 (4). С. 12–16.

3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006.

4. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. М.: РОССПЭН, 1998–2012.

5. Тихомиров Н.В. «Оживились антисоветские элементы»: дневник колхозной практики студентов Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Весна 1930 г. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 550–565. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-550-565.

6. Гончарова И.В. Современные концептуальные подходы в историографии коллективизации // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1. С. 21–28.

7. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.

8. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 422 с.

9. Мельникова Т.А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61–70.

10. Ильиных В.А. «Великий перелом» в деревне: предпосылки и этапы // 1929: «Великий перелом» и его последствия: Мат. XII Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. М.: РОССПЭН, 2020. С. 277–285.

11. Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с.

12. Вязинкин А.Ю., Якимов К.А. Крестьянский пессимизм в период коллективизации 1920–1930-х гг.: антисоветская риторика поколения «революционного перелома» // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 753–764. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-753-764.

13. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5221. Оп. 25. Д. 2.

PROBLEMS OF COLLECTIVE FARM CONSTRUCTION IN THE MOSCOW REGION BASED ON THE MATERIALS OF STUDENT PRACTICE IN 1935

N.V. Tikhomirov

The report materials of the industrial practice of students of the All-Union Communist Agricultural University named after Y.M. Sverdlov for 1935, containing information about their work at agricultural enterprises in the Moscow

region, are analyzed. The general state of these organizations is shown, the problems of their economic development and social contradictions in the village are highlighted. Conclusions are drawn about the role of students of the specified university in the modernization of the agricultural sector of the USSR, their specific contribution to the resolution of pressing issues of collective farm construction is noted.

Keywords: collectivization, communist university, peasant studies, peasantry, Moscow region, industrial practice, regional history, students.

References

1. Kuznetsov I.A. On the 90th anniversary of collectivization. Prerequisites for the collectivization of agriculture in the USSR // *Peasant Studies*. 2020. № 3 (5). P. 47–69. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-47-69.
2. Kedrov N.G. Russian historiography of collectivization of the peasantry: problems of study // *Bulletin of Vologda State University*. 2017. № 1 (4). P. 12–16.
3. The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials. In 5 volumes. M.: ROSSPEN, 1999–2006.
4. The Soviet village through the eyes of the AREC–USPA–PCIA. 1918–1939. Documents and materials. In 4 volumes. M.: ROSSPEN, 1998–2012.
5. Tikhomirov N.V. «Anti-Soviet elements revived»: diary of collective farm practice of students of the Communist University of National Minorities of the West. Spring 1930 // *Archivist's Bulletin*. 2024. № 2. P. 550–565. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-550-565.
6. Goncharova I.V. Modern conceptual approaches in the historiography of collectivization // *Scientific notes of the Orel State University*. 2015. № 1. P. 21–28.
7. Ivitskiy N.A. The repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928–1933). M.: IRH RAS, 2000. 350 p.
8. Fitzpatrick S. The Stalinist peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: village. 2nd ed. M.: ROSSPEN, 2008. 422 p.
9. Melnikova T.A. Historiography of the agrarian policy of the USSR in the 30s // *Historical and socio-educational thought*. 2009. № 2. P. 61–70.
10. Ilinykh V.A. «The Great Turning point» in the countryside: prerequisites and stages // 1929: «The Great Turning Point» and its consequences: *Mat. XII International Scientific Conference, Yekaterinburg, September 26–28, 2019*. M.: ROSSPEN, 2020. P. 277–285.
11. Kedrov N.G. Bast shoes of Stalinism. The political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s. M.: ROSSPEN, 2013. 280 p.
12. Vyazinkin A.Yu., Yakimov K.A. Peasant pessimism in the period of collectivization of the 1920s – 1930s: anti-Soviet rhetoric of the generation of the «revolutionary turning point» // *Archivist's Bulletin*. 2023. № 3. P. 753–764. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-753-764.
13. Viola L. Peasant revolt in the Stalin era: collectivization and the culture of peasant resistance. M.: ROSSPEN, 2010. 366 p.
14. The State Archive of the Russian Federation (SARF). Coll. 5221. Aids 25. Fol. 2.